

those marinistic, the writer does creatively interpret the impressionistic ways of narration and founds the specific genre named “post-impressionistic lapidarium”.

Keywords: mineralogy, literary creativity, symbolism, sensory imagery, artistic synthesis.

УДК 821.161.1.09(091)“20”

Костромицкий Р.И.,
кандидат филологических наук,
Бердянский государственный
педагогический университет

СПЕЦИФИКА ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА “ЧИСЛА”

Творчество В.О. Пелевина в современном литературоведении остается объектом оживленных дискуссий и не находит однозначной оценки. Однако тот факт, что В. Пелевин награжден целым рядом литературных премий (“Великое Кольцо”, “Золотой шар”, Малая Букеровская премия, “Интерпресскон” и др.) свидетельствует об особом положении этого писателя в современном литературном процессе.

Наиболее точно, по нашему мнению, значение творчества В. Пелевина для русской культуры определил В. Курицын: “Пелевин возвращает русской литературе главное ее достоинство: читателя. Пелевина читают люди, которые: а) не брали в последние годы в руки никаких книг, кроме телефонных, б) являются социально и эстетически активными членами общества” [8, 7]. А по справедливому утверждению Н. Беязевой, проза В. Пелевина показательна тем, что она “отражает знаковые процессы современной русской литературы” [2, 1].

Несмотря на огромное количество работ, посвященных творчеству писателя, остается много открытых вопросов. Загадочной является фигура писателя, который на протяжении продолжительного периода времени был окружен “информационным вакуумом” [15, 200]. За В. Пелевиным закрепилась слава гуру современной молодежи и великого мистификатора. Так, по утверждению исследователя Б. Туха, о писателе бытуют самые разнообразные слухи. В наиболее нелепых из них утверждается, что Пелевин является торговцем наркотиками, что под этим именем скрывается группа писателей или женщина [15, 200].

Дебют писателя в литературе связан с опубликованием в 1989 году его сказки “Колдун Игнат и люди”. На сегодняшний день творческое наследие В. Пелевина представлено серией романов, повестей, сборников рассказов.

Показательным является тот факт, что критиками даются подчас совершенно противоположные оценки произведений этого одного из ярких российских писателей-постмодернистов, чье творчество с момента своего возникновения оказалось в эпицентре внимания огромной читательской аудитории.

Наличие глубокой философской проблематики в прозе В. Пелевина позволило исследователю С. Корневу в статье “Столкновение пустот: может ли

постмодернизм быть русским и классическим?” поставит писателя в один ряд с классиком философского романа – Ф. Достоевским [7, 245].

В то же время, утверждение в текстах прозаика концепций отношения человека и социума, во многом отличных от общепринятых, вольное обыгрывание “вечных” ценностей, эпатаж, ненормативная лексика, специфический язык (часто далекий от образцов литературного языка классики) способствовали возникновению негативных оценок прозы критиками П. Басинским, А. Архангельским, И. Зотовым и др.

Не стала исключением и книга В. Пелевина “Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда”, за которую писатель был награжден премиями “Национальный бестселлер-2003” и “Премией Аполлона Григорьева-2003”.

Книга открывается “Элегией 2” и состоит из двух частей “Мощь великого” и “Жизнь замечательных людей”. Первая часть представлена романом “Числа”, повестью “Македонская критика французской мысли” и рассказами “Один вог”, “Акико”, “Фокус-группа”. Во вторую часть вошли рассказы “Гость на празднике Бон” и “Запись о поиске ветра”.

Свое решение проблемы неприятия критикой новой книги В. Пелевина предложил К. Воробьев, который подчеркивает, что “ДПП (нн)” выходит за рамки представлений о традиционной литературе, так как в ней реализован оригинальный авторский подход к решению проблемы героя. По мнению исследователя, решающая роль в произведении отводится сознанию читателя, вовлеченного в чтение текста. Текст же организован таким образом, что ракурс восприятия постоянно изменяется. Такая организация рецепции текста рождает “облако взаимоперетекающих смыслов, которое человеку, привыкшему к одномыслию и единоидейности текста понять сложно” [4].

Цель нашего исследования продиктована необходимостью рассмотрения концепции героя в романе В. Пелевина “Числа” в соответствии с авторским замыслом произведения.

Подчеркнем, что яростные споры возникли относительно названия книги. Так, М. Эдельштейн в статье “Трое в лодке, не считая Акунина” утверждает, что название книги вызывает только “негативные ассоциации от ДТД до ЗППП” [17]. А А. Балод упрекает автора в невозможности применения метода диалектики для решения проблемы перехода “из ниоткуда в никуда” [1].

В интервью газете “Коммерсант” В. Пелевин так прокомментировал название своей новой книги: “Между индивидами постоянно происходит борьба за власть, в процессе которой они пытаются заколдовать друг друга с помощью иностранных слов, не отражающих ничего, кроме последовательности пустых иллюзорных форм, которые принимает индивидуальный ум во время своего героического перехода из ниоткуда в никуда” [10].

Следует отметить, что образ “бабочки сознания”, летящей из ниоткуда в никуда, возник в творчестве В. Пелевина задолго до появления книги “ДПП (нн)”. Еще в романе “Чапаев и Пустота” (1996) главный герой, Петр Пустота, предстает как автор сборника стихотворений “Песни царства “Я””. Центральное место в сборнике

занимає утвердження автора о том, что все процессы объективной действительности имеют значение только в пределах пространства человеческого “Я”. А одной из задач, которые ставил перед собой В. Пелевин при написании романа “Чапаев и Пустота” (1996) является раскрытие стереотипов и механизмов мышления, а также феномена массового сознания в условиях отсутствия духовных ориентиров.

Именно образ мечущейся бабочки сознания, по мнению писателя, отражает состояние смятения в мышлении современного индивида: *“Но в нас горит еще желанье, к нему доходят поезда, и мчится бабочка сознания из ниоткуда в никуда”* [11, 405].

В. Пелевин так определяет цель, создания книги “ДПП (нн)”: “Я хотел написать книгу о том, как работает ум. Как человек из ничего строит себе тюрьму и попадает туда на пожизненный срок” [3]. Осуществление замысла писателя связано с трудностями, ввиду сложности объекта изображения. В. Пелевин считает, что по своей природе ум – это “такое необычное зеркало, в котором нет ничего, кроме отражений” [3]. Поэтому единственным способом изображения человеческого ума является описание появляющихся в “зеркале” миражей, а “полюса, перемены, герои нашего времени попали туда просто в качестве фона” [3].

Герои книги “ДПП (нн)” на протяжении всей своей жизни пытаются постичь сущность своей природы, найти место в этом мире и выработать свою формулу взаимоотношений с действительностью. Писатель отмечает, что книга “ДПП (нн)” – это “биография человеческого ума, который собирает вокруг себя мир, невидимый для окружающих, но абсолютно реальный для обладателя” [10]. Таким образом, автор подчеркивает субъективность человеческого мышления, а, следовательно, и субъективность картины объективной действительности, которая возникает в сознании индивида.

Показательно, что В. Пелевин не ставит перед собой задачу создания образа целостной личности, что вызвало многочисленные нарекания со стороны исследователей С. Шургунова [16], А. Балода [1]. В результате такого подхода герои книги могут показаться не вполне нормальными, но сам автор утверждает, что в центре его внимания “самый обычный человек, у которого приоритеты просто чуть отличаются от впрыскиваемых рекламой и информацией” [10].

Авторский замысел определяет и основные художественные особенности книги “ДПП (нн)”: фрагментарность, кажущаяся схематичность персонажей, сложная организация сюжета, призванная показать запутанность “ловушек” человеческого ума.

Проблемы личности и сознания человека, которые решаются на актуальном материале современности, являются основными в романе “Числа”. Именно для характеристики героя этого произведения, правомерным является утверждение исследовательницы Н. Беляевой, о том, что “личность в системе пелевинских категорий – почти абсолютный синоним сознания” [2, 1].

Центральным героем романа является бизнесмен, а впоследствии банкир, Степа Михайлов. На примере этого образа реализована традиционная для

В. Пелевина модель героя “запутавшегося человека, потерявшего ориентиры идентификации в эпоху смены культурных парадигм <...>” [9, 225]. Однако, если в ранних романах и повестях В. Пелевина личности предлагался выбор, который необходимо было сделать, чтобы “спасти свое сознание” [2, 1], то в романе “Числа” главный герой Степа находится в поисках своей сущности, которая позволила бы ему осознать себя и свою природу и таким образом постичь абсолют.

В ситуации моделирования поисков героем духовных ориентиров традиционным для В. Пелевина является обращение к различным религиозным учениям. Следует отметить, что оценка В. Пелевиным роли христианства в формировании концепции человеческой личности всегда подчеркнута иронична. Исследовательница И. Дитковская объясняет это тем, что христианство – это “религия массы, толпы”, которая противостоит миру целостной человеческой личности [6, 138]. В романе “Числа” проявилось особое отношение героя к христианской религии. В сознании Степы христианский бог предстает в образе “*мстительного и жестокого самодура, которому милее всего запах горелого мяса*” [12, 29].

Показательно то, что после распада СССР православие стало оформляться в России, как государственная религия. В новых социально-политических условиях церковь характеризуется сближением с государственной властью. Это привело к ее трансформации в один из государственных институтов влияния на сознание масс, но в то же время стало подрывать авторитет православия. В свете этих событий очень характерным является негативное отношение Степы и к официальной церкви. Главная задача церкви, по мнению героя, заключается в обогащении, а не приобщении человека к абсолюту.

Ироническому осмеянию в романе поддаются также механизмы функционирования церкви. Так, по мнению Степы, “*единственный способ, которым она приближает человека ко Всевышнему, – это торговля сигаретами*” [12, 30].

Таким образом, христианская религия не способна удовлетворить запросы героя в его поисках своей сущности и определенной центрирующей идеи. Подчеркнем, что в отличие от ранних произведений В. Пелевина “Чапаев и Пустота”, “Поколение П”, где основополагающими в создании образа главного героя были идеи буддизма, в “Числах” такой организующей идеологией является авторская нумерология. Духовный вакуум Степы пытается заполнить поклонением сакральному числу: “*На рынке религий не было продукта, который мог бы утолить его тоску по чудесному лучше, чем общение с числами*” [12, 30].

Степа моделирует свой мир, внутри которого действуют законы, созданные самим же героем. Герой живет в пространстве двух реальностей: мире своего сознания и окружающем обыденном мире. При этом в его сознание представлено двумя пластами. Одна часть его ума руководствуется магическим ритуалом, связанным с признанием священности числа.

Поклонение числу и есть той “ловушкой” сознания, о которой говорил в интервью В. Пелевин. Писатель анализирует механизм создания основной

доминанты мышления (ловушки), через призму которой происходит упорядочивание героем объективной действительности. Так, в начале романа священным числом герой избирает семерку. Со временем Степа осознает, что семерка является “всеобщей избранницей”. Она была “избалованной и дорогой куртизанкой, и неудивительно, что Степины ухаживания остались без ответа” [12, 11]. Поэтому он обращается к другому числу – “34” и так объясняет свой выбор: “В сумме четверка и тройка давали ту же самую семерку. Это наделяло число “34” подобием небесной генеалогии, как у греческих героев, возводивших свою родословную к богам” [11, 12]. Степа своим поклонением новой цифре обрел более существенный способ обращения к семерке, поэтому он решает “пропитать этим числом (“34”) всю жизнь, слиться с ним, доказав свою преданность ежедневным усердием” [12, 11].

В этой ситуации проявляет себя второй пласт сознания Степы – рациональная часть ума, которая пытается уличить своего обладателя в глупости поведения. Тогда герою “становилось жутко – он понимал, что втянулся в странную игру, выйти из которой будет непросто” [12, 16].

Логика и здравый смысл проявлялись в жизни Степы, но активизировались они не в проблемной ситуации, а когда важное решение уже было принято. Эти категории в жизни героя выполняли оправдательную функцию, “поэтому он относился к ним с добродушной иронией <...> и не принимал их всерьез” [12, 23].

Для оправдания своей теории герой находит “рациональный ответ”: “Все вокруг меняется каждый миг, и в каждый момент мир представляет собой сумму иных обстоятельств, чем секундой до или после. Люди, с которыми мы имеем дело, тоже постоянно меняются и ведут себя по-разному в зависимости от того, какие именно мысли попадают в моментальное сечение их умов. Поэтому, выбирая временную и пространственную точку встречи с миром мы занимаемся совершенно реальной магией, может быть, даже единственно возможной магией <...>” [12, 13].

Для Степы Михайлова интимные отношения с представительницами противоположного пола также являются способом служения своему сакральному числу. Для того, чтобы стать избранницей Степы, женщина должна была соответствовать системе требований: “<...> Чувствовать его душу, но не лезть в нее слишком далеко. Ей следовало знать о его отношении с числами, но не все” [12, 64]. И самое главное: его избранница должна была разделять теорию Степы, но прийти к постижению магии чисел самостоятельно. Поэтому долгое время поиски его оставались безуспешными: “Женщины проходили по подиуму его души, не задерживаясь надолго <...>” [12, 64].

Спутницей, разделяющей интересы Степы, стала Мюс – филолог из Англии. Ее сакральным числом было “66”. Интимная связь для Мюс и Степы представляла собой ритуал служения своим волшебным числам и позволяла им “слиться с любимым числом не только умственно, но и телесно” [12, 63]. Показательно, что именно в мгновение наивысшего наслаждения для героя открывается путь к истине

в точке бесконечности бытия: *“Он вдруг понял, что висит внутри остановившейся секунды, в самом центре которой была небольшая капелька вечности”* [12, 100].

Степа осознал, что его число “34” и число Мюс “66” в сумме составляли “100”. Синтезированная цифра, состоящая из набора единицы и нулей, представляла собой символ вечности. “Сто” диалектически соединяло бытие и небытие, а также те роли *“которые Степа и Мюс исполняли в этот миг в великом театре жизни”* [12, 101]. Воссоединившись в ритуальном экстазе, герои образовали единое существо, которое сам В. Пелевин называет *“стонущим двуглавым животным”*. Именно это животное обладает, по мнению автора, способностью воззвать к вечности, *“соединявшей все многообразие сущего в единое целое, <...> готовое наделить новой жизнью”* [12, 101].

Таким образом, число, получившее психологический заряд, и числовая магия являются одним из способов взаимодействия героя с окружающим миром в особой пространственно-временной точке.

В месте соприкосновения сознания Степы и обыденного мира возникает еще одна реальность, которую Е. Пронина называет *“реальностью глобальных исторических процессов”* [15, 9]. В. Пелевин исследует механизмы реализации цифровой теории банкира на фоне определенного исторического этапа развития России. Писатель моделирует обстановку переходных процессов в политической, экономической и социальной жизни страны в 80–90-е годы XX века: *“Эпоха и жизнь были настолько абсурдны в своих глубинах, а экономика и бизнес до такой степени зависели от черт знает чего, что любой человек, принимавший решение на основе трезвого анализа, делался похож на дурня, пытающегося кататься на коньках во время пятибалльного шторма”* [12, 28].

Это период трансформаций в общественном сознании, которые намечаются после распада империи. В романе затрагивается тема влияния глобальных мировых процессов в экономической сфере на духовную жизнь русского общества, в котором намечаются тенденции преклонения перед ценностями рынка (деньги и прибыль). Происходит концентрация на тиражировании приоритетных ценностей эпохи рыночных отношений – бесконечного производства, рекламы, продажи бесполезного товара. В обществе господствует духовный вакуум.

Проблема утраты моральных ценностей в эпоху капиталистических отношений исследуется на примере жизненного пути банкира Степы. Его бизнес начался с продажи компьютеров в *“позднюю горбачевскую эпоху”* [12, 24]. На этом историческом этапе, когда *“числиться негодяем и убийцей было полезно”* [12, 24], Степа зарекомендовал себя как образцовый бизнесмен с железной хваткой. Успех в банковских делах, по мнению героя, является результатом слепого следования указаниям магического числа, которое помогало адепту выжить в хаотичном, иррациональном, криминальном мире: *“Вместо путанных указаний рассудка он раза за разом подчинялся одному иррациональному правилу. <...> Это была*

самая настоящая магия, и она была сильнее всех построенный интеллект” [12, 28].

Картина “новой жизни”, в которой важнейшими приоритетами становятся деньги, возникает из слов представителя спецслужб Капитана Лебедкина: *“Как говорил Платон, Аристотель мне друг, но деньги нужнее, хе-хе-хе”* [12, 259]. В словах представителя “хозяев новой жизни” Лебедкина утверждается ценности, отличные от “истины” и “дружбы” Аристотеля.

Именно деньги определяют новый темп жизни и особую схему отношений между представителями ФСБ, которые в новых социальных условиях являются “крышей” для таких банкиров, как Степа. В иронической форме и с использованием ненормативной лексики капитан Лебедкин так описывает эту новую схему (отличную от классической “Пришел, увидел победил”): *“Вы...л, убил, закопал, раскопал и опять вы...л”* [12, 259]. Причем, в эту схему отношений, организованную для добычи денег втянута не только Россия, но и *“весь свободный мир <...>. И несвободный тоже”* [12, 259]. Таким образом, подчеркивается, что банкир Степа является самым малым звеном этой денежной цепи. Он вынужден поддерживать циркуляцию денежного потока и тем самым содержать не только представителя российских паразитирующих силовых структур Лебедкина, но и целую иерархию во всем мире.

Изображение положения героя в современном обществе, в соответствии с авторская концепция действительности, может быть глубже раскрыто, если обратиться к словам самого В. Пелевина. Писатель в интервью с Л. Данилкиным утверждает, что на современном этапе в культурной среде российского общества *“фаллическо-анальная пенетрация является базовым символом социального доминирования и победы”* [5]. По мнению автора, этот механизм прочно закрепился не только в фольклоре, но и психологии. Поэтому в этом контексте четче вырисовывается природа взаимоотношений между властными организациями и представителями различных социальных групп, и в частности беззащитность индивида перед лицом криминальных структур.

Таким образом, В. Пелевин в романе “Числа” не дает однозначного ответа на вопрос, нашел ли главный герой выход из “ловушки своего сознания” или продолжает в своем отношении к жизни руководствоваться выработанной цифровой теорией. Писатель создает своеобразную модель героя-сознания и реализовывает ее на материале жизни банкира Степы в условиях переходных процессов в России конца XX–начала XXI столетия. Писатель анализирует наиболее показательные доминанты-“ловушки” мышления героя, и акцентирует внимание на изменениях, происходящих в коллективном бессознательном россиянина на фоне социальных трансформаций.

Перспективным направлением исследования романа В. Пелевина “Числа” является изучение концепции действительности, представленной в этом произведении.

Литература

1. Балод А. Пелевин : диалектика и критика [Электронный ресурс] / А. Балод // Виктор Пелевин : сайт творчества : статьи. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/texts/2004/09/11-16.html>.
2. Беляева Н. В. “Я хочу спасти свое сознание” : герои Виктора Пелевина в поисках себя / Н. В. Беляева // Русский язык и литература в учебных заведениях. – 2003. – № 6. – С. 1–6.
3. Пелевин В. “История России – это просто история моды” (интервью с В. Пелевиным) [Электронный ресурс] // Виктор Пелевин : сайт творчества : статьи. – Режим доступа : <http://pelevin.nov.ru/interview>.
4. Воробьев К. Хороший плохой Пелевин [Электронный ресурс] / К. Воробьев // Виктор Пелевин : сайт творчества : статьи. – Режим доступа : <http://pelevin.nov.ru/stati/o-hor/1.html>.
5. Данилкин Л. Ответы : Виктор Пелевин [Электронный ресурс] / Л. Данилкин // Виктор Пелевин : сайт творчества : статьи. – Режим доступа : <http://pelevin.nov.ru/interview>.
6. Дитковская И. Ю. Интертекстуальность прозы В. Пелевина : дисс. ... канд. филол. наук / И. Ю. Дитковская. – Днепропетровск, 2002. – 210 с.
7. Корнев С. Столкновение пустот : может ли постмодернизм быть русским и классическим? / С. Корнев // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 28. – С. 244–259.
8. Курицын В. Группа продленного дня / Вячеслав Курицын // Пелевин В. О. Жизнь насекомых : [романы]. – М. : Вагриус, 1999. – С. 7–20.
9. Мережинская А. Ю. Русский литературный постмодернизм : художественная специфика, динамика развития, актуальные проблемы изучения : учеб. пособие / А. Ю. Мережинская. – К. : Логос, 2004. – 234 с.
10. Новикова Л. “Вдали от комплексных идей живешь...” (интервью с В. Пелевиным) [Электронный ресурс] / Л. Новикова // Виктор Пелевин : сайт творчества : статьи. – Режим доступа : <http://pelevin.nov.ru/interview/>.
11. Пелевин В. Чапаев и Пустота / Виктор Пелевин. – М. : Вагриус, 2003. – 480 с.
12. Пелевин В. О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда : [избранные произведения] / Виктор Пелевин. – М. : Изд-во Эксмо, 2004. – 384 с.
13. Пронина Е. Фрактальная логика Виктора Пелевина / Е. Пронина // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 5–30.
14. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература : новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – СПб. : Невский Простор, 2001. – 416, [1] с.
15. Тух Б. Новое поколение выбирает “П” : очерк о Викторе Пелевине / Б. Тух // Первая десятка современной русской литературы : сб. очерков. – М. : ООО “Оникс 21 век”, 2002. – С. 193–232.
16. Шаргунов С. Удава проглотили кролики (кое-что о “новом Пелевине”) / С. Шаргунов // Вопросы литературы. – 2004. – № 5. – С. 43–51.
17. Эдельштейн М. Трое в лодке, не считая Акунина [Электронный ресурс] / М. Эдельштейн // Русский журнал. – Режим доступа : http://old.russ.ru/culture/literature/20040126_ea.html.

Аннотация

В статье исследуется специфика постмодернистского героя романа В. Пелевина “Числа”. Автор подчеркивает, что писатель создает своеобразную модель героя и реализовывает ее на материале жизни банкира Степы в условиях переходных процессов в России конца XX – начала XXI столетия. В. Пелевин анализирует наиболее показательные доминанты-“ловушки” мышления героя, и акцентирует внимание на изменениях, происходящих в коллективном бессознательном россиян на фоне социальных трансформаций. Особое внимание уделяется ритуалу инициации, и его роли в становлении героя.

Ключевые слова: герой, постмодернизм, синтез, сознание, ритуал, стратегия.

Анотація

У статті досліджується специфіка постмодерного героя роману В. Пелевіна “Числа”. Автор підкреслює, що письменник створює своєрідну модель героя та втілює її на матеріалі життя банкіра Стьопа в умовах перехідних процесів Росії межі ХХ–ХХІ століть. Письменник аналізує найбільш показові для сучасника “пастки” свідомості та акцентує увагу на змінах, які відбуваються у колективному несвідомому росіян на тлі соціальних трансформацій. Особлива увага приділяється ритуалу посвячення, та його ролі у становленні героя.

Ключові слова: герой, постмодернізм, синтез, свідомість, ритуал, стратегія.

Summary

The article contains the analysis of hero model in V. Pelevin's novel “Numbers”. It also discovers the peculiarities of the way the author uses ceremonial and mythological strategies. The research is also focused on the exploration of peculiarities in transformation of postmodernism artistic paradigm in the latest works of the Russian writer. In order to fulfill the aim of the research, the distinctive features of artistic self-reflection of postmodernism in V. Pelevin's latest prose have been analyzed, the transformation of postmodernism artistic code in the writer's works has been traced, and the peculiarities of elements of mass and elite literature synthesis have been discovered.

Keywords: hero, postmodernism, syntheses, consciousness, strategy, ceremonial strategies.

УДК 82–1/29

Філоненко С.О.,

докторант,

Тернопільський національний педагогічний
університет імені Володимира Гнатюка

СЕКС, КИЇВ, ЮРІЙ МАКАРОВ І ЛАДА ЛУЗІНА: ПСИХОЛОГІЧНІ ПОРАДНИКИ ЯК ЖАНР ПАРАЛІТЕРАТУРИ

У літературознавчих словниках та енциклопедіях термін “паралітература” традиційно називають у ряді синонімів: масова / популярна / тривіальна / паралітература. Останній указує на нижчий щабель, який цей різновид письменства посідає в літературній ієрархії. На думку Н. Литвиненко, в терміні “паралітература” наявна “семантика відторгнення” [2, 10]. Паралітература розуміється або як “псевдолітература”, що нагадує літературу зовнішньою формою, проте позбавлена естетичної вартості; або як ті явища, які взагалі перебувають поза межами літератури. Так, В. Халізов зазначає: “Грецький префікс para-, за допомогою якого утворено даний термін, має два значення. Він може позначати явище, подібне іншому (наприклад у медицині паратиф – захворювання, що нагадує тиф своїми зовнішніми ознаками), або предмет, що знаходиться біля, поблизу іншого предмету. Паралітература мислиться як подоба літератури, що паразитує на ній” [12, 162].

За дефініцією “Літературознавчої енциклопедії” Ю. Коваліва, паралітература – “<...> сукупність творів певної літературної групи чи школи, що протистоїть панівному напряму, називає популярне, масове, тривіальне письменство, літературний низ” [3, 183]. Співвіднесення паралітератури із масовою в цьому визначенні негайно призводить до приписування першій таких негативних характеристик, як “відсутність